



**Г. И. ЧУЛКОВ**

**Поэт-воин**

Я вежлив с жизнью современной,  
Но между нами есть преграда...

*Н. Гумилев*

Мы все без исключения пленники Современности, и мы почти все покорны нелегкому игу, которое возложила на человека история. С каждым столетием все новые и новые над нами тяготеют «труды и дни» наших предков. Мы все связаны круговой порукой. Но иные из нас по складу своей души влекутся к Завтра, иные пленяются очарованием былых дней. И те, и другие нужны живому миру. Жизнь в конце концов определяется равнодействующей <силой> этих желаний и стремлений. Прав тот, кто говорит, что смысл жизни в ее порыве, в ее полете, в отказе от примирения с действительностью. Но не менее прав и тот, кто утверждает прямую и бесхитростную любовь к древней земле, к ее скудному и скорбному, но людям милому бытию. Разумеется, высшая мудрость и живые истины откровения — суть верный залог для оправдания последних противоречий, но это оправдание выходит за пределы психологизма. Каждый день, каждый час включает в себя все многообразие прошлого и будущего. Правда, большинство наших современников носит на себе печать переходящей культуры, знак мгновенной испепеляющей жизни. Такие люди, скользящие по зеркальной поверхности истории, почти фантомы. Их лица не выразительны, их слова бедны. Значительны лишь дерзающие на «новую жизнь». С другой стороны, люди известного нравственного уклона, принявшие без переоценки семью, государство и все косное великолепие истории, необходимы в известном смысле и внутренне оправданы. В этом отношении поэты разделяют участь простых смертных. Их судьба

предопределена их волею к полету или к покою. Надо ли говорить о том, что внешняя подвижность человека вовсе не свидетельствует об его внутреннем *йпан* \*, об его внутренней уверенности, что когда-нибудь и он чудотворно преобразится? Сколько ни путешествовал Теофиль Готье, как ни любил он разнообразие быта и культуры, как ни забавляли его метаморфозы искусства, всегда этот «*poite impressable*» \*\* был внутренне неподвижен. Поэзия Гумилева в этом смысле близка поэзии Теофиля Готье. Само собою разумеется, что ни «мэтр и друг» Бодлера, ни наш талантливый [поэт] современник вовсе не нуждаются в оправдании, когда утверждается такое понимание их поэзии. Надо быть фанатичным и слепым сектантом, чтобы отрицать очарование Теофиля Готье только потому, что он прозевал мировые события, занятый исключительно собою и тем, что было вокруг него. Готье был верен самому себе, а в этом вся суть. Он завещал поэту честный труд — «*sculpte, lime, ciside*» \*\*\* — и его переводчик, который так удачно перечеканил французские стихи Готье на русский лад, исполнил точно завещание «непогрешимого» мэтра, и не только в своих переводах «*Emaux et Camées*» \*\*\*\*.

Книги стихов Гумилева — хорошие книги, честно сделанные, а последняя, «Колчан», едва ли не лучшая из них. И в этой книге, несмотря на новые формальные успехи и на новую внутреннюю сосредоточенность, поэт остался верен той «неподвижности», которая была свойственна Готье, Леконт де Лиллю или Эредиа. Впрочем, русская душа поэта предопределяет в известной мере ту своеобразную непосредственность и живую сердечность, которые не свойственны латинскому гению.

Хотя цитаты из поэтов мало убедительны, ибо все знают, что «лирическая свобода» — самое первое и самое важное свойство истинной поэзии, и потому, естественно, в противовес любой цитате можно найти десятки противоречащих ей лирических утверждений того же поэта, и даже в той же книге, но несмотря на это приходится иногда пользоваться некоторыми выражениями самого стихотворца, чтобы пояснить наше отношение к его поэзии, наше понимание его души и сердца.

Так, чтобы яснее показать, насколько чуждо Гумилеву современное мироощущение, антиномичное в существе своем, можно

\* порыв (*фр.*).

\*\* непогрешимый поэт (*фр.*).

\*\*\* «чеканить, гнуть, бороться» (*фр.*, пер. Гумилева ст-ния Готье «Искусство» («*L'Art*»).

\*\*\*\* «Эмали и Камеи» (*фр.*).

сослаться на его соответственное лирическое признание, не выдавая, однако, этих стихов за прямое доказательство высказанной мысли:

Я вежлив с жизнью современной,  
Но между нами есть преграда...<sup>1</sup>

Это сущая правда. Стоит только перечесть стихи поэта о войне, чтобы не сомневаться более в искренности и точности этого признания.

В недавно опубликованных дневниках Толстого есть, между прочим, примечательное рассуждение о войне; казалось бы, Толстой принципиально отрицал войну, не должен становиться на историческую точку зрения, но в своих интимных записках он как будто уклоняется от принципиальности: он недоумевает, как это теперь, именно теперь возможно воевать: прежде, во время наполеоновских войн или даже во время севастопольской кампании, люди, по его мнению, воевали искренне, а вот сегодня, когда каждый гимназист понимает, что война есть зло, воевать уже нельзя, невозможно, противоестественно. Такое толстовское непонимание войны в большей или меньшей степени, несмотря ни на какие философические отговорки, свойственно почти всем современникам. Нелицемерно принимают войну как таковую, войну как «рыцарское и благородное» состояние, а не как необходимое, но всегда ужасное зло, лишь люди такого душевного строя, который вовсе не созвучен новой жизни, новой культуре, новому религиозному сознанию.

Гумилев один из них. Он даже не подозревает возможность рефлексии в деле войны. Он до конца искренен в своей любви к бранной славе. Вот почему так удачны его военные стихи:

Есть так много жизней достойных,  
Но одна лишь достойна смерть,  
Лишь под пулями в рвах спокойных  
Верить в знамя Господне, твердь<sup>2</sup>.

Здесь нет и тени сомнений, здесь искренность, твердость, непосредственность, которым позавидует, пожалуй, и самый убежденный из германских воинов.

И так сладко рядить Победу,  
Словно девушку, в жемчуга,  
Проходя по дымному следу  
Отступающего врага<sup>3</sup>.

Это превосходно. Нельзя не восхищаться великолепным сочетанием слов и торжественным ритмом. Такую счастливую фор-

му для песен [о] битвах мог найти лишь поэт, который ничего не знает о новом душевном опыте, мучительном и глубоком, противоречивом и ответственном.

Гумилев, как поэт, полон юных сил и творческих дерзаний, и, при всем том, он весь в прошлом, а не в будущем, и мы, его современники, воистину можем сказать: мы понимаем вас и ценим, «но между нами есть преграда...»

Я остановился так на теме войны, потому что, в сущности, здесь ключ к пониманию лирики Гумилева. Стихов, посвященных войне, немного в книгах поэта, но ко всему в этом мире он подходит, как воин, которого на время отпустили из стана, чтобы он отдохнул и пображничал. Гумилев как будто всегда чувствует, что все это «пока», а вот заиграют «марш величавый» и надо снова садиться на коня по властному зову строгого вождя. Ему и в небе мерещится полководец:

Там Начальник в ярком доспехе,  
В грозном шлеме звездных лучей  
И к старинной, бранной потехе  
Огнекрылых зов трубачей<sup>4</sup>.

Даже на пороге рая, моля Петра за свою душу, он сам напоминает о своей бранной жизни:

Георгий пусть поведает о том,  
Как в дни войны сражался я с врагом<sup>5</sup>.

Для него нет сомнений, что война дело святое и правое:

И воистину светло и свято  
Дело величавое войны,  
Серафимы, ясны и крылаты,  
За плечами воинов видны<sup>6</sup>.

Примечательно, что, несмотря на свой рыцарский воинственный пафос, столь свойственный германской культуре, лирика Гумилева ни в какой мере не зависит формально от поэзии немецкой. Воспитанный в прекрасных традициях родной поэзии, Гумилев и следует им покорно. И если и надо искать иных созвучий в его поэтических опытах, то найти их можно лишь в романских литературах, где есть подлинная любовь к земле и плоти. Гумилев любит земное наше бытие, как француз XIX века, и принимает этот мир, не переоценивая его.

